

Знаменитые пары СССР

*Преданный
Орфей*

МУСЛИМ

МАГОМАЕВ

ТАМАРА

СИНЯВСКАЯ

Знаменитые пары СССР

Софья Бенуа

**Муслим Магомаев и Тамара
Синявская. Преданный Орфей**

«Алгоритм»

2015

УДК 784.3.071.2 Магомаев М.
ББК 85.364.1

Бенуа С.

Муслим Магомаев и Тамара Синявская. Преданный Орфей
/ С. Бенуа — «Алгоритм», 2015 — (Знаменитые пары
СССР)

ISBN 978-5-906914-08-8

Муслим Магомаев своей яркой внешностью, своим уникальным баритоном завораживал, сводя с ума. Певцу приписывали романы с самыми известными красавицами огромной страны – актрисами Натальей Фатеевой и Натальей Кустинской, певицами Эдитой Пьехой и Ириной Аллегровой. Но нашлась та, перед которой не устояло его горячее сердце, — примадонна Большого театра Тамара Синявская... Для этой звездной пары написана самая знаковая песня, исполняемая Магомаевым: «Ты — моя мелодия, я — твой преданный Орфей»... Его одинаково сильно любили и народ, и власть. Его обожал глава государства Леонид Брежнев, а руководитель Азербайджана Гейдар Алиев называл сыном... Что же заставило любимца властной элиты и миллионов поклонников оставить сцену в расцвете сил и таланта?

УДК 784.3.071.2 Магомаев М.
ББК 85.364.1

ISBN 978-5-906914-08-8

© Бенуа С., 2015
© Алгоритм, 2015

Содержание

Глава 1. «Я должен был повторить путь моего деда»	6
Глава 2. Змеиный мальчик, или «Я знаю, куда уходит детство»	13
Глава 3. Отец: жуир, романтик, художник, фронтовик	19
Глава 4. Дядя Джамал, тетя Мура, Лев и кошки	27
Глава 5. Счастливое время на правительственной даче, или Перед детством все равны	33
Глава 6. Музыкальная школа. «Критерий поступления – природный талант»	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Софья Бенуа
Муслим Магомаев и Тамара
Синявская. Преданный Орфей

© Бенуа С., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Глава 1. «Я должен был повторить путь моего деда»

Чарующий голос, незаурядное дарование, восточное обаяние и притягательная мужественность – это все о нем, о замечательном исполнителе Муслиме Магомаеве. Биографическая справка, изложенная одной строкой, свидетельствует: кумир миллионов *Муслим Магометович (Магомет оглы) Магомаев* (17 августа 1942, Баку – 25 октября 2008, Москва) – советский, азербайджанский и российский оперный и эстрадный певец (баритон), композитор, народный артист СССР (1973).

Муслим Магомаев родился в конце лета 1942 года в Баку. Его отец – Магомет Магомаев, театральный художник, погиб на фронте за 15 дней до священной Победы, мать – Айшет Магомаева (сценический псевдоним – Кинжалова), драматическая актриса, сталинская стипендиатка. Дед по отцу – Абдул-Муслим Магомаев, азербайджанский композитор, чье имя носит Азербайджанская государственная филармония, является одним из основоположников азербайджанской классической музыки. О происхождении матери Муслим Магомаев писал, что она родилась в Майкопе, её отец по национальности был турком, а мать наполовину адыгейкой, наполовину русской. О происхождении отца он говорил, что мать его была татаркой (его бабушка Багдагуль-Джамал была родной сестрой Али и Ханафи Терегуловых), а кем по происхождению были предки по его отцу, неизвестно. В этой творческой семье не мог родиться заурядный ребенок. Так думали и молодые родители, когда нарекли новорожденного именем знаменитого предка.

Впоследствии став автором мемуаров, сам наследник имени и творчества признавался:

– В детстве мы не любопытны к своим корням, к истории собственного рода. И мне, Муслиму Магомаеву-младшему, надо было бы еще мальчишкой подробнее узнать о жизни Муслима Магомаева-старшего со слов тех, кто был с ним рядом. С годами я, разумеется, наверстал, как мог, упущенное в детстве и юности, – стал интересоваться жизнью и творчеством своего знаменитого деда. Смотрел его архивы, читал письма, а главное, слушал дедовскую музыку. И хоть судить о его жизни я могу, конечно, только косвенно, я всегда был твердо уверен в том, что мой дед – великий композитор и дирижер. Я должен был повторить его путь – стать и композитором, и дирижером, и пианистом. А чтобы закрепить за мной эту заочную идею, меня и нарекли при рождении именем деда. Так я стал полным его тезкой. В то время, как мои сверстники играли на полу машинками и оловянными солдатиками, я ставил дедовский пюпитр, брал в руки карандаш и руководил воображаемым оркестром¹.

В биографии дедушки певца М. Магомаева есть яркие страницы, свидетельствующие о его незаурядных талантах. Ведь не зря его имя носит Азербайджанская государственная филармония. *Абдул Муслим Магомет оглы Магомаев* (Муслим Магометович Магомаев; 18 сентября 1885, Грозный, Терская область, Российская империя – 28 июля 1937, Нальчик, СССР) – азербайджанский советский композитор и дирижёр, заслуженный деятель искусств Азербайджанской ССР (1935), один из основоположников азербайджанской классической музыки.

¹ Муслим Магомаев «Живут во мне воспоминания». М., ПРОЗАиК, 2010

Муслим с мамой

Маленький Абдул Муслим раскрывал и проявлял свои таланты еще во времена существования Российской империи; мальчик обучался в Грозненской городской школе, где начал играть на скрипке, затем в Закавказской учительской семинарии в Гори. Освоив игру на гобое, Магомаев стал солистом семинарского оркестра и иногда выступал с ним как дирижёр. В это же время он изучает азербайджанскую народную музыку. Окончив семинарию, начал работать в училище в Ленкорани, где организовывал музыкальные вечера и театральные представления. В 1911 году Магомаев перебрался в Баку, где стал солистом оркестра Азербайджанского музыкального театра, а вскоре – и его дирижёром.

В 1919 году Магомаев сочиняет своё первое крупное сочинение – оперу «Шах Исмаил», ставшую одной из наиболее известных его работ. В первой редакции оперы было много разговорных эпизодов, а музыка была основана на принципах импровизации и мугама, однако во второй и третьей редакциях диалоги были заменены на речитативы. Будучи одним из первых произведений, в которых идеи народной музыки решены в рамках

развитых оперных форм, «Шах Исмаил» стал важной вехой в развитии азербайджанской музыки².

После свершения большевистского переворота в 1917 году и насаждения советской власти, дирижер активно включается в новые процессы, в которых (как и многие творцы) видит созидательное начало. Вместе с активной композиторской деятельностью, Магомаев ведет общественную работу: возглавляет азербайджанское отделение Народного комиссариата просвещения, становится художественным руководителем музыкального театра, в 1929 году – музыкальным руководителем Азербайджанского радиоцентра. В 1935 году ему было присвоено звание Заслуженного деятеля искусств Азербайджанской ССР.

Среди произведений, принадлежащих таланту Магомаева-старшего, не только «Шах Исмаил» (1915–1919), но и другие оперы – «Хоруж-бей» (1929), «Наргиз» (1935), оркестровые сочинения «На полях Азербайджана» (1934), «Танец освобожденной азербайджанки» (1935), а также музыка к театральным постановкам и кинофильмам.

Об этом незаурядном человеке писали статьи и книги; известно, что одну из книг о Магомаеве-старшем написала преподаватель Бакинской консерватории Гамар Исмаилова, тетя Муслима Магомаева-младшего.

Отдать дань памяти этому незаурядному талантливому композитору и музыканту сумел и его полный тезка, когда издал воспоминания (книги выходили под названиями: «Живут во мне воспоминания» и «Любовь моя – мелодия»), где он подробно рассказывает о своей семье.

«– Что касается деда, то я его не знал и не мог знать – он умер в 1937 году в пятьдесят с небольшим от скоротечной чахотки. За пять лет до моего рождения.

Мой дед Муслим Магомаев вырос в семье кузнеца-оружейника, где любили музыку. Очень одаренным был старший брат деда Магомет, прекрасно игравший на гармонии и флейте. Во время учебы в Грозненской городской школе он даже руководил ученическим оркестром. Магомет и приобщил младшего брата к музыке: Муслим рано стал играть на восточной гармонии. Потом, тоже поступив в Грозненскую городскую школу, он научился там играть на скрипке, участвовал в школьных концертах.

Свое образование Муслим Магомаев продолжил в Закавказской учительской семинарии в городе Гори, где готовили учителей для просвещения народов Кавказа. В семинарии дед познакомился с Узеиром Гаджибековым, с которым потом дружил всю жизнь. Оба они впоследствии стали основоположниками азербайджанского профессионального музыкального творчества. Интересно, что мой дед и Узеир Гаджибеков родились в один день и в один год – 18 сентября 1885 года; в дальнейшем они даже породнились, женившись на сестрах.

² [https://ru.wikipedia.org/wiki/Магомаев,_Муслим_Магометович_\(старший\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Магомаев,_Муслим_Магометович_(старший))

Абдул-Муслим и Байдигюль Магомаевы. 1907 год

В Горийской семинарии дед научился игре на гобое. Как скрипач и гобоист он играл в оркестре, состоявшем из учащихся семинарии. В восемнадцать лет был ведущим музыкантом оркестра и даже заменял дирижера. Там же, в Гори, он получил и знания музыкальной теории. После окончания семинарии деду вручили в подарок скрипку.

Работая учителем народной школы, сначала в одном из сел Северного Кавказа, а потом в Ленкорани, где он преподавал историю, химию, русский язык, дед продолжал отдаваться любимому занятию – музыке: создал оркестр из своих учеников, хор, организовывал концерты, где исполнялись и народные песни, и произведения популярных жанров, и собственные его сочинения. Дед часто выступал на таких концертах и как солист-скрипач.

С 1911 года, сдав экстерном экзамен в Тифлисском учительском институте, дед с семьей поселился в Баку, продолжая преподавать в школе. В Баку его музыкальная деятельность сделалась особенно активной. Это и стало главным делом его жизни.

Здесь он дебютировал как дирижер, потом как оперный композитор. Он написал две оперы – «Шах Исмаил» и «Наргиз»...

Каким был мой дед в жизни? Со слов родных я знаю, что был он человеком очень щедрым, всегда готовым помогать людям. Сохранилось письмо Узеира Гаджибекова, где он благодарит своего друга Муслима за помощь: «...Я имею возможность спокойно заниматься своим делом, в результате чего я поступил в консерваторию; всем этим я обязан исключительно твоему искреннему желанию помочь мне; ради исполнения этого желания ты принес в жертву свой покой и здоровье, сумею ли я за это тебя отблагодарить?..» Это письмо написано в 1914 году из Петербурга, куда Узеир Гаджибеков уехал, чтобы продолжить образование в консерватории.

Дружить дед умел, мог сделать широкий сердечный жест.

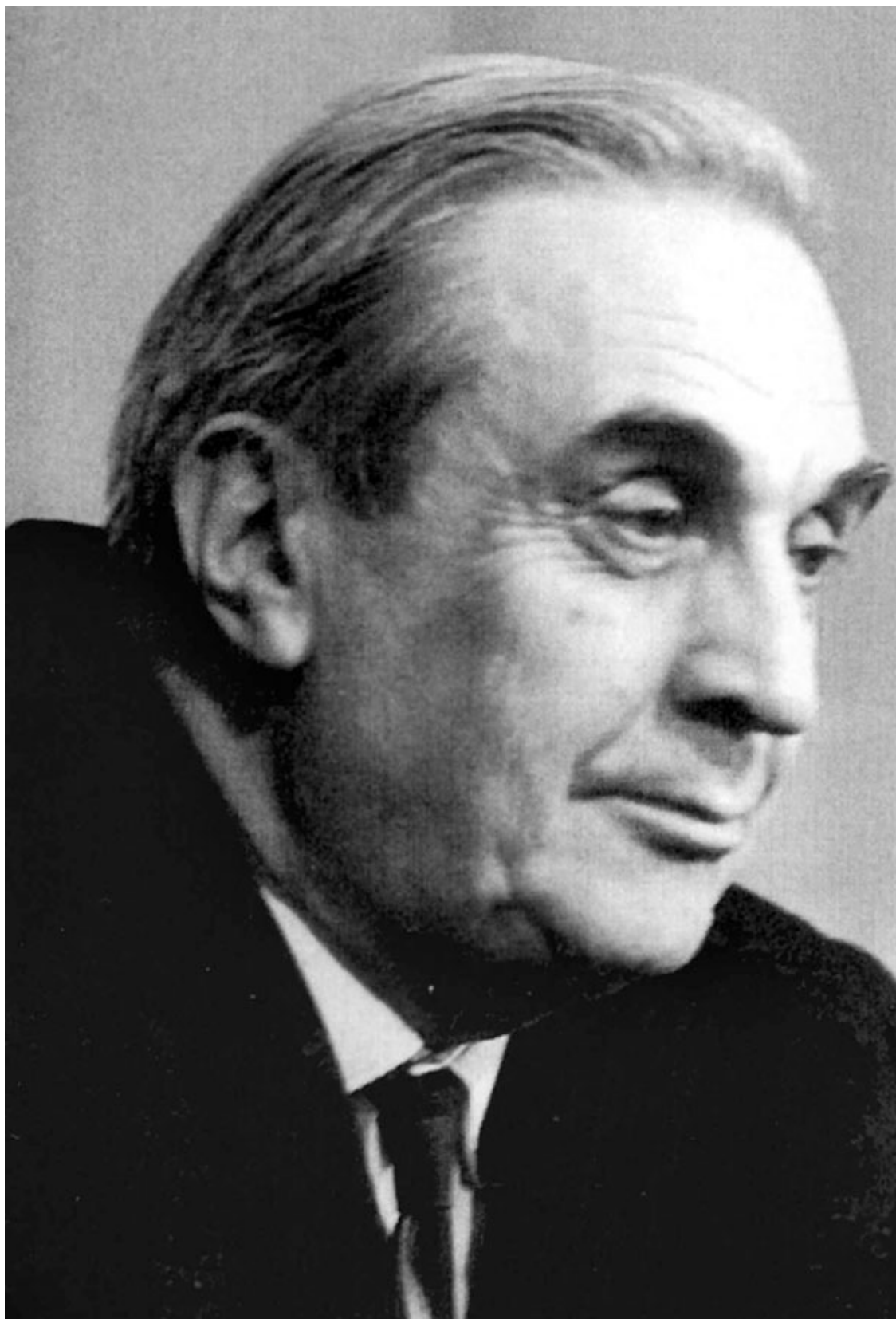
Мало кто у нас знает, что идея написать оперу на сюжет «Кёр-оглы» пришла одновременно и Магомаеву, и Гаджибекову. Когда дед узнал об этом, он порвал начатую партитуру и сказал: «Узеир напишет лучше».

А еще был он человеком веселым: в отличие от друга Узеира позволял себе гульнуть на славу. Когда Зулфугар Гаджибеков (брат Узеира), тоже с грешком «весело пожить», заезжал за дедом на тогдашнем такси – фаэтоне, они с озабоченными физиономиями начинали объяснять бабушке, что едут по неотложным музыкальным делам в театр, в оперу. Но как только фаэтон исчезал из поля зрения махавшей вслед им Байдиголь, маршрут резко менялся. Курс был в знакомый любимый ресторанчик, завсегдатаями которого были бакинские актеры, музыканты, ашуги, мугаматисты³. Дед неплохо зарабатывал, учительствуя в школе, и позволял себе не только кутнуть, но и заплатить за друзей, особенно если за столиком ресторана оказывались неимущие музыканты. На высоком градусе застолья гуляки брали у хозяина заведения револьверы и начинали палить по горлышкам бутылок, как разгулявшиеся ковбои в старых американских салунах. Владелец ресторана не возражал – Магомаев за все заплатит с лихвой. На то он и Муслим-бек!»⁴

Несмотря на то, что маленький Муслим никогда не видел своего знаменитого деда, некоторые вещи свидетельствовали о его незримом присутствии в семье и даже имели непосредственное влияние на развитие самого Муслима-младшего. К примеру, скрипка Муслима-старшего, ставшая и предметом мучений, и предметом изучений.

³ Ашуг (ашик) – народный певец-поэт у азербайджанцев и армян, а также других народов Закавказья. Является эквивалентом менестреля в английской и трубадура во французской средневековой традиции. В азербайджанской музыкальной традиции ашуг аккомпанирует себе на народных инструментах. Мугам (или Мугамат) – один из основных жанров азербайджанской традиционной музыки, многочастное вокально-инструментальное произведение. Мугам считается азербайджанской разновидностью практики музицирования, распространенной в культурах Ближнего и Среднего Востока. – *Примеч. ред.*

⁴ <http://www.magomaev.info/book/02.htm>

Муслим Магомаев

– После деда остались кларнет и скрипка. Сначала меня хотели научить играть на скрипке. Вот тогда я и узнал, что такое она для ребенка, начинающего постигать азы музыки. Скрипка – не рояль: это там нажал на клавишу – вот тебе и звук. А чтобы извлечь

живой звук из скрипки, нужно уметь делать что-то особенное. Просто пиликанье смычком по струнам хуже царапанья гвоздем по стеклу. Душераздирающие звуки стали несносными не только для меня... Вот от того моего детского любопытства и пострадала скрипка, из которой я пытался извлекать звуки: я решил посмотреть, что же находится внутри и почему скрипка не желает петь. Когда дома говорили об этом инструменте, когда-то подаренном деду после окончания им Горькой семинарии, то называли какого-то Аматти, который был внутри скрипки. Я поднял верхнюю деку, но никакого Аматти там не нашел – только надпись чернилами «Аматти»... Скрипку деда у меня, конечно, отняли, склеили. Сейчас она находится в музее в Баку... В отличие от скрипки, судьба кларнета оказалась более счастливой – его от меня уберегли.

Глава 2. Змеиный мальчик, или «Я знаю, куда уходит детство»

Муслим, ставший известным певцом, рассказывал не только о близких родственниках и теплых взаимоотношениях в семье, он не стеснялся признавался и в своих детских шалостях, пытаясь тем самым – через года – загладить вину перед любимыми людьми.

С особой нежностью Муслим Магомаев вспоминал о своей бабушке-татарке, носившей чудесное имя Весенний цветок.

– Свою бабушку Байдигюль (весенний цветок) я очень любил, но и не очень слушался, часто вольно или невольно, скорей всего по детской бесшабашности, обижал и старался избавиться от ее опеки. Она говорила мне что-то несомненно важное, а я был уже там, на улице, где меня ждали такие же, как я, сорванцы. Чем больше она меня любила, тем больше я ее обижал. Догадываюсь о степени ее терпеливости и доброты...

Прости меня, бабушка... Теперь-то я знаю, куда уходят и детство, и те, кого мы недолюбили, кого не баловали ни своим вниманием, ни ласковым словом, ни добрым делом. Полагали, что вроде бы они, наши близкие, достались нам просто так, раз и навсегда. Как море и небо...

И еще раз он скажет: прости меня, бабушка, – когда не приедет на похороны Байдигюль. Он объяснит свой поступок много позже словами:

– Надо было снова ехать в Москву – прощаться с дядей Джамалом и тетей Мурой. Попросил у них прощения за все мои срывы и выходки. За то, что не приехал на похороны бабушки (прости меня, родная). Не мог я объяснить им свое отношение к этим печальным обрядам. Так уж я устроен – живыми хочу запомнить близких мне людей. Понимаю, что это непростительная слабость.

Беззаботное детство

...Небо и море, может и вечны, но не вечны те, кто живет с нами рядом. Как мы помним, дед певца умер далеко не старым человеком, заболев чахоткой. В семье поговаривали, что эту болезнь он получил, когда полез в Куру спасать упавшую в реку бабушку. Но что семейная пара делала в момент этого происшествия на Кавказе, не известно. Другой член рода – дядя Джамал – обещал, выйдя на пенсию, написать мемуары, изложив всю историю творческой семьи, но не исполнил задуманное.

Особое любопытство мальчишки привлекали вещи, скрытые его бабушкой от глаз и шаловливых детских рук, хранящиеся в ее комнате под замком. Конечно же, это были сундук и шкаф, находящиеся под строгим надзором владелицы.

– В связи с вещами, оставшимися от деда, отчего-то вспомнился бабушкин сундук, огромный, кованный, о трех замках. Он вызывал у меня жгучее любопытство. Я спрашивал у бабушки Байдигюль: «Что в нем?» – «Ничего особенного». Я не верил ей – считал, что в сундуке хранилось что-то тайное. Иначе почему бы бабушке не открыть и не показать его содержимое мне. Но она не расставалась с ключами от сундука: даже когда ложилась спать, они были рядом.

И вот однажды, притворившись, что сплю, я дождался, когда бабушка вышла из спальни. Схватив ключи, открыл все три замка, положил ключи на место и снова нырнул в постель. Бабушка вернулась, я как бы проснулся, встал, пошел умываться. И вдруг услышал бабушкины крики: она обнаружила, что ключи побывали в моих руках, что замки открыты. У меня было такое впечатление, что бабушка проверяла свой сундук каждые пять минут. Поднять крышку и заглянуть внутрь, что я намеревался сделать потом, мне не привелось. Тайна так и осталась тайной. Не знали о содержимом сундука ни дядя Джамал, ни тетя Мура.

Что находилось в сундуке, стало известно только после смерти бабушки. В самом деле, как она и говорила, – ничего особенного там не оказалось: только смокинг деда, его дирижерская палочка, ноты... То есть то, что было для нее самым дорогим после его ухода.

Этот притягательный старый сундук принял в наследство Муслим Магомаев, чтобы хранить в нем свои тайны: письма от множества поклонниц и поклонников, бесконечным потоком идущие со всех концов необъятной родины, носившей тогда почти магическое имя СССР.

Вторым таинственным предметом, захватившим воображение парнишки, был шкаф, стоявший в бабушкиной комнате и постоянно находившийся под замком. Случай представился при нескольких печальных обстоятельствах – семидесятилетняя Байдигюль, стоя на табуретке, вешала занавески на окна, но упала и сломала руку. Несчастную отвезли в больницу, а во время ее пребывания там ее внук решил обследовать запретное пространство шкафа. Обнаружив ключи и открыв дверцы, он нашел хранящийся на полке личный дядин пистолет, положенный тому по должности. Радости мальчишки не было предела, и тут же было решено принести трофей в школу, чтобы пугать девчонок и возбуждать зависть одноклассников.

– Я стал пугать им из-под парты своих одноклассников, а пистолет был заряжен. Хорошо еще, что у меня хватило ума не спускать предохранитель и не нажимать на курок. Потом я, вдоволь насладившись произведенным впечатлением, решил спрятать пистолет в портфель, но он выскользнул из рук и с грохотом упал на пол.

Тут-то все и обнаружилось.

История получилась громкая. Дядю вызвали куда следует, где ему пришлось объяснять, почему все это случилось. А чем он был виноват? Ведь пистолет хранился у его матери под замком, никто его не видел, так как оружием дядя не пользовался. Кто же мог знать, что мальчишка найдет ключи, откроет шкаф, обнаружит пистолет да еще в школу притащит...

Сорванец да и только! И ведь это была не последняя проделка подрастающего Магомаева-младшего. В своих литературных трудах он вспоминал и случай... воровства; впрочем, этот проступок был нужен во благо. И только так!

Все произошло оттого, что юному дарованию наняли педагога, обучавшего игре на рояле. Сам Муслим об этом предмете трогательно признается:

– Рояль был большой, я маленький, но мы с ним ладили: лет с трех-четырех я уже подбирал мелодии.

Дуэт за роялем

Что же касается инцидента с украденным предметом, то им оказалась... бутылка водки.

– Мне взяли педагога. Помню, ее звали Валентина Купцова и от нее постоянно несло водкой. В ее сумке всегда лежала бутылка. «Муслимчик, – начинала говорить она почти стихами, – принеси мне клавирчик Баха». Я шел за Бахом, а она в это время прикладывалась. Могу сказать, что я ее не любил. Во-первых, потому, что от нее несло водкой (мне тогда это не нравилось); во-вторых, она все время торопилась домой. А я все ждал, что она мне все-таки толком покажет, как и куда пальцы ставить.

Однажды, когда тетенька Купцова отлучилась по надобности, я стащил бутылку из ее сумки и спрятал. Она вернулась и, как всегда, послала меня за очередным клavierчиком. Я принес ноты и... увидел у Купцовой другое лицо – его как будто вывернули наизнанку, «перелицевали». Сделав вид, что ничего такого не заметил, я сел за рояль и, стараясь не сутулиться, стал играть. Сначала из-за спины я услышал как бы шипенье, а потом на мои пальцы налетел карандаш и стал колотить по ним что есть силы: «Не воруй, не воруй, Муслимчик!..» Было больно и обидно. Я понял, что номер не удался, и отдал водку.

Возможно, именно потому, что клavierчики Баха ассоциировались у парнишки со спешкой и отвратительным запахом спиртного, этот немецкий композитор вызывал у Магомаева неприязнь.

– ...я сразу невзлюбил... особенно Баха – эти его постоянные секундные интервалы, механику мелизмов, молоточковые каскады... Чуть ли не всем детям, начавшим музицировать, Бах дается тяжело. Это потом мы понимаем, что Бах есть Бах. Бах – Бог! Что именно так, как немецкий гений, и надо писать музыку в компании со Всевышним... Бах стал пыткой для меня. Я прятал ноты, делал вид, что потерял. От Баха мне еще больше хотелось во двор – участвовать в мальчишеских баталиях. Гулять!..

После гибели отца малыш-Муслимчик остался жить под опекой бабушки. Конечно, мальчику было непонятно, отчего мать оставила его на попечение родственников, и он длинными вечерами размышлял над этим сложным вопросом. Для него долгие годы оставалось загадкой, отчего мать охотно исполнила просьбу бабушки оставить мальчика, указав как аргументы, что ребенку противопоказана кочевая жизнь (мать Муслима была артисткой), и что ему нужно будет учиться в музыкальной школе.

Бабушка Байдигюль оказала сильное влияние на воспитание и развитие Муслима-младшего, в котором она видела реальное продолжение своего супруга, Муслима-старшего, полного тетки любимого внука. Она же – как мудрая женщина – сделала все, что было в ее силах, чтобы оградить его

от неразумной женитьбы. Впрочем, поговорим об этом позже. Пока же стоит добавить такой интересный нюанс: татарка Байдигюль дала своему внуку татарское прозвище – за его непослушание и острый язык.

– Самое во мне неприятное – это мои невольные шутки. Только потом я понимаю, что обидел человека. Догадываюсь, за что меня бабушка называла по-татарски «план малы» – змеиный мальчик. Не знаю, как насчет всего мальчика, а вот язык у меня и правда такой. Не раз Тамара (вторая супруга певца – Тамара Синявская. – Авт.) говорила мне, что я могу невзначай обронить едкое слово. Подчас на меня обижаются за мою непосредственность. Но первым я никого не подковыриваю. Просто говорю прямо, когда можно сказать иначе или промолчать. Если не согласен с кем-то, могу сразу же начать возражать. Но это не конфликт – это спор.

Муслим с друзьями Борей и Жорой

Глава 3. Отец: жуир, романтик, художник, фронтовик

У Байдигюль и ее супруга Муслима было два сына: Джамал и Магомет, младший из которых – Магомет – стал отцом знаменитого исполнителя, героя нашей книги. Увы, жизнь его была короткой, и он не успел в полной мере познать радость отцовства – его молодые года оборвала война...

Однако и этот член семьи был музыкально одаренным: при том, что Магомет никогда специально не учился музыке, он хорошо играл на рояле и красиво пел.

– Голос у отца был небольшой, но приятный, как говорили, задушевный. (Но мой голос не от него, а от матери.) Талантливый театральный художник, он оформлял спектакли в Баку, в Майкопе, где и встретил мою мать. Странно, но его работ у нас не осталось – ни живописи, ни рисунков, даже никаких набросков. Потом я узнал, что после завершения театральной постановки или выхода мультфильма (он освоил и новую еще тогда специальность мультипликатора) отец уничтожал все наброски – наверное, считал, что раз все состоялось, то и не надо никаких эскизов, никаких архивов...

И хотя, как признался его талантливый сын, голос свой он получил не от отца, все же от него он наследовал другое умение: Муслим Магомаев прекрасно рисовал, в семье и у друзей сохранились его живописные картины и карандашные наброски, свидетельствующие о природном даровании.

Об отце героя известно немного, да и то в основном, со слов самого Муслима, описавшего больше свои впечатления, чем знания об одном из родителей (ведь он остался без отца грехлетним малышом).

– От меня, чтобы не травмировать, долго скрывали, что отца уже нет в живых, говорили, что он находится в длительной командировке. Только лет в десять-одиннадцать, когда я уже стал многое понимать, мне сказали правду.

Наследие отца, как его характер и поведение, Муслим изучал по фотографиям да по рассказам родственников и знакомых. В книге «Живут во мне воспоминания» он пишет:

«Был отец человеком непростым, противоречивым. Даже на фотографиях он разный – от красавца до средней привлекательности человека. Настолько он был изменчивым. Хотя друзья помнили его красивым. Был он очень легким на подъем (в этом я на него совсем не похож: для меня каждый раз собраться на гастроли – проблема). Умница, жизнелюб, он любил и потанцевать, любил и подражаться из-за женичины. Если где-то замечался шум, куча-мала, то там обязательно ищи Магомета... Увлекающийся, упрямый, драчливый, но в душе поэт. То легкомысленный, то яростно-непоколебимый и суровый в своих принципах... Не отсюда ли его преждевременная гибель?..

От деда отец унаследовал мужественность, которая уживалась с жуирством⁵. Ценил порыв. Отвечал за слово. Был честолобив. Так и остался романтиком. Именно такой человек должен был бросить все и буквально ринуться на фронт.

⁵ Жуир (от фр. *jouir* – наслаждаться) (устар.) – весело и беззаботно живущий человек, ищущий в жизни только удовольствий. – Примеч. ред.

Нашей семье благоволил тогдашний глава республики Мирджафар Багиров. И отец вполне мог бы рассчитывать на бронь.

– Куда он лезет? – говорил товарищ Багиров. – Пропадет! Он же у вас одержимый... Первая пуля будет его.

Отец не стал никого слушать. Сказал себе: надо! И ушел на фронт... Безоглядный, болезненный патриотизм!

О его гибели, а также о том, как я искал и нашел могилу отца, расскажу позже. Но прежде одно его письмо с фронта. Мне должны были прочитать его в день моего совершеннолетия. «Сегодня день рождения моего сына. Что же ему пожелать? Конечно, многих, многих лет счастливой, радостной жизни, но пусть его жизнь будет заполнена полезным трудом для человечества, как была заполнена жизнь того, чье имя он носит. Пусть он научится пламенно любить все хорошее, но пусть и умеет всей душой ненавидеть тех, кто станет на дороге нашего счастья. Пусть он с ранних лет познает историю этой кровопролитной войны, которую затеяли варвары-немцы. Пусть он высоко чтит память тех, кто доблестно дрался за независимость вот таких крохотных, как он, детей, за счастье всего народа и отдал свою жизнь, без сожаления – за них. Пусть одно слово «фашизм» вызывает в нем ненависть, презрение. Ну, и пусть знает, что его отец любит его и будет любить до последнего вздоха, и если ему придется умирать, то умрет он сего именем на устах. Вот и все, что я хотел ему пожелать.

С приветом, ваш Магомет».

Джамал-эддин и Магомет Магомаевы

Если своим друзьям Магомет Магомаев запомнился внешней броскостью, то мне отец видится другим (хотя я его не помню – он погиб, когда мне было всего три года). Я вижу своего отца не картинным красавцем, а привлекательным внутренней красотой. Есть у людей такое обаяние – не напояз, а в душе...»

Мальчик, не знавший деда и потерявший отца, не был брошен на произвол судьбы, не находился под опекой одних только женщин семьи Магомаевых. К счастью, этих близких мужчин в жизни подрастающего Муслима заменил родной брат погибшего на фронте, дядя Джамал-эддин Магомаев. Человек уравновешенный, инженер, склонный к точным наукам, он спокойно и упрямо делал карьеру – шел вверх по партийной лестнице. Для него важны были честность и справедливость, также не пустым звуком оставалось понятие *мужская честь*. Последнее достоинство, помноженное на родовую, кровную составляющую, делало личность дяди повосточному колоритной: он никогда не мыл посуду, не выбивал ковры, не подносил тяжелые сумки и чужие чемоданы. Но он так же, как большинство людей Востока, искренне любил гостей и застоля.

Джамал-эддин Муслимович обожал ритуал гостеприимства, умел наслаждаться самим процессом подготовки угощений. И эту черту он перенял от своего отца, деда Муслима Магомаева – тот, по рассказам близких, свято соблюдал восточный обычай гостеприимства. Впрочем, мы помним (по рассказам артиста Магомаева), как весельчак и балагур Муслим-старший весело проводил время с гостями в любимом ресторанчике.

– Интересно, что два брата были совершенно не похожи характером друг на друга: по натуре дядя был спокойнее своих отца и брата.

Вместе с тем, будучи разными по натуре, братья на генетическом уровне переняли творческую жилку: оба хорошо рисовали, а еще переняли от отца тягу к волшебному миру музыки.

– Унаследовал он (дядя Джамал. – Авт.) от отца и музыкальность – играл на рояле, не получив при этом специального музыкального образования. Правда, очень любил нажимать на педаль, чтобы было громко, хотя меня учил другому: «Играй тихо и с чувством».

Кроме этого замечательного кровного воспитателя, в жизни маленького Муслима присутствовала и няня – пожилая набожная старушка Груня. Во времена, когда походы в церковь не приветствовали, она спокойной водила ребенка в храм, прививая ему благоговение перед Всевышним.

– Говорят, люди впечатлительные помнят себя рано. Не знаю, сентиментален ли я настолько, чтобы об этом говорить, но помню себя рано... Вот одно из первых ощущений: улица, мягкая теплота руки няни – тети Груни. С няней хорошо, уютно. Мы вышли гулять. Воспользовавшись тем, что ее отпустили из дома, старушка ведет меня в церковь. До сих пор помню запах ладана, мерцание свечей, пышность православного храма. Потом я увижу ритуалы всевозможных конфессий. Но русская церковь оставит навсегда ощущение сказочного терема, где (по тому моему наивному представлению) Боженька не строгий, а добрый.

Отец Муслима – Магомет Магомаев перед началом войны

И, как настоящая классическая няня, бабушка Груня рассказывала подопечному сказки, в которых добрые молодцы, сражающиеся за сердце красных девиц, побеждают злые силы.

Научившись читать, Муслим обнаружил, что не ему одному так повезло: в жизни полубившегося поэта Александра Сергеевича Пушкина, писавшего удивительные стихотворные сказки, была такая же душевная няня по имени Арина Родионовна. Благодаря этому совпадению, волшебным историям, рассказанным на ночь и прочитанным позже, у Муслима образовалась стойкая любовь к сказкам, ассоциирующимся со счастливым детством. В подростковом возрасте и юности пришло увлечение фантастикой, как продолжением жанра сказок. Даже став взрослым, он собирал коллекцию детских фильмов и мультфильмов студии Disney. Возможно, на подсознательном уровне было ощущение, что его отец, успевший влиться в ряды мультипликаторов, мог бы рисовать забавные истории не хуже диснеевских...

Только вот старший сержант Магомет Магомаев не успел дорисовать своих добрых героев, он погиб, сражаясь со Злом на фронтах Великой Отечественной войны. В письмах с фронта этот мужественный человек писал:

«...В своем очередном письме ничего особенного, нового сообщить не могу. О событиях, происходящих на фронтах, ты сам знаешь, ну а мы – непосредственные участники избиения самых отъявленных мерзавцев, каких по ошибке могла создать природа... Все та же окопная жизнь, все та же боевая обстановка. Но с каждым днем все больше чувствуется конец, о котором мечтает весь наш народ.

...Ну, и я кое о чем мечтаю. Ведь мечтать не запрещается никому из нас. Никто из нас не старается думать о худшем исходе. Да не вояка тот, кто думает о смерти. Пусть умирает гот, кто оказался в этой войне подлецом, слюнтяем. Не жалея жизни и сил, стараясь не очернить фамилию отца, стремясь быть достойным своего народа, своей семьи, я отдавал и отдаю все, что есть во мне. Тебя я только прошу об одном: сделайте все, что возможно, лишь бы мой сын хоть немного был счастливым, а там, быть может, судьбой прописано действительно с вами вместе торжествовать победу...»

Так случилось, что став популярным, Муслим Магомаев смог отыскать могилу отца, погибшего в 1945 году. К тому времени он уже не раз бывал в польском Сопоте, где проходили песенные фестивали, и во время своих поездок пытался обнаружить захоронение, в котором вечным сном упокоился его героический отец.

– Мне нужно было возвращаться на родину. Друзья из Общества пообещали, что начнут поиск в архивах, посмотрят списки солдат, похороненных в Польше, тем более что фамилия наша не очень распространенная. Обещали свою помощь и работники нашего посольства. А потом пришло письмо, в котором друзья из Общества польско-советской дружбы сообщили, что нашли братскую могилу, где похоронен мой отец. Она оказалась немного севернее Костишина, в городе Хойна Щецинского воеводства. Выяснилось, что после войны, когда наши основные войска покидали Германию, останки солдат из одиночных захоронений, разбросанных в разных местах, предали земле в общей братской могиле уже на польской территории.

И вот через двадцать семь лет после гибели отца я смог навестить его. В разгаре была весна 1972 года. Мне скоро тридцать лет, я стал старше отца, погибшего в двадцать девять. Как сейчас помню ту субботу 22 апреля. Западное Поморье, кладбище в предместье городка Хойна, братская могила...

Не буду рассказывать о тех своих чувствах – тут не нужны слова, они лишние в минуту молчания. Но и у скорби бывают светлые тона. Я ощутил их тогда, у подножия хойнского памятника павшим. Переживаю это и сейчас, вспоминая обо всем: все-таки я и мои близкие теперь знаем, где закончил свой земной путь Магомет Магомаев. Художник и воин.

Я положил на могилу цветы и увез домой горсть той перепаханной бедой польской земли. Позже дядя Джамал отвез ее в Баку и смешал с землей на могиле своего отца.

«И вот через двадцать семь лет после гибели отца я смог навестить его. Мне скоро тридцать лет, я стал старше отца, погибшего в двадцать девять...»

Благодаря энтузиазму патриотически настроенной молодежи и архивным поискам удалось не только найти место захоронения, но и узнать подробности того трагического дня, когда отец нашего маэстро погиб в бою. О подробностях тех военных дней тогда написала одна из польских газет (полный текст приводится в книгах М. Магомаева):

«Старший сержант Магомет Муслимович Магомаев погиб в маленьком городке Кюстрин недалеко от Берлина за девять дней до окончания войны. Из воспоминаний о нем его фронтовых товарищей складывается образ достойного солдата. Во время штурма обороны гитлеровских войск друг Магомаева бросился с гранатой на пулеметный дот. Старший сержант поспешил на помощь, хотел вытащить из-под обстрела раненого товарища по оружию. Погибли оба от пуля. Полковые друзья решили похоронить павших бойцов на поль-

ской земле. Тела были перевезены за восемьдесят пять километров и похоронены на другом берегу Одера в маленькой деревне около железнодорожной станции. На плане могилы, который был передан семье Магомаевых командиром полка, отсутствовали некоторые данные – название местности. Поэтому поиски могилы отца Муслима Магомаева были трудными...

Не принесли результатов поиски, предпринятые первоначально в Зеленогурском и Вроцлавском воеводствах. Поисками могилы занялось также воеводское отделение Общества польско-советской дружбы в Щецине совместно с представителями коммунального хозяйства воеводства.

Только через некоторое время было установлено, что могилы советских воинов из полка, где служил старший сержант Магомаев, находятся в местности Кшивин Грыфиньски. Но в 1952 году была проведена эксгумация и останки погибших были перезахоронены в братских могилах на кладбище в Хойне. На этом кладбище – одном из самых больших кладбищ Западного Поморья – покоятся 3985 советских солдат. Удалось установить фамилии около шестисот».

Тогда пребывавшего в польском Щецине певца спросили, не захочет ли он, когда поиски завершены, перевезти прах отца на родную землю? На что Муслим Магомаев ответил твердое «нет».

– По-моему, он лежит не в чужой земле. Разве мог кто-нибудь тогда предположить, что в наши дни отношение к братским могилам советских воинов в Польше будет совсем другим. В каком состоянии теперь могила, где лежит мой отец, я не знаю. И спросить не у кого – Общества дружбы теперь нет, да и Польша стала членом НАТО.

Глава 4. Дядя Джамал, тетя Мура, Лев и кошки

Увы, реального отца в жизни маленького Муслима не было. Но был заменивший отца дядя Джамал. А еще присутствовала жена дяди Джамала – Мария Ивановна, по национальности поляка. О которой сам артист говорил:

«Незабвенная моя тетушка Мария Ивановна. Бескомпромиссная тетя Мура, женщина несгибаемой воли и дипломатической проницательности. Она очень хорошо знала, что надо в жизни делать, а что не надо. Светоч нашей семейной культуры, прочитавшая столько книг! Дай Бог, если сотую часть того, что прочитала тетя, мне удастся прочитать за всю свою жизнь».

Мария, непонятной судьбой занесенная в Баку, работала кассиром в театре, когда познакомилась с симпатичным инженером. Азербайджанец Джамал и его возлюбленная с польскими корнями создали гармоничную семью. Стоит сказать, что Мария уже ранее была замужем, у нее подрастал сын по имени Лев, которого новый супруг усыновил. Так белобрысый славянин Лев Джамалович стал объектом безобидных насмешек в новой семье.

С любимой тетей Мурой

Сама Мария, которую домочадцы звали умилительно Мура, по словам Муслима, «производила впечатление этакой гранд-дамы».

– Если она не читала свои любимые книги, то слушала радио – у нас тогда был мощный приемник «Мир», большая редкость в те времена. Приемник ловил западную музыку, чужую речь, то, что тогда у нас заглушали, что нельзя было слушать. Почему нельзя? Если нельзя, значит нужно и можно слушать. Это был ее принцип. Со временем я понял, что это и мой принцип.

Обычно тетя Мура никуда не выходила. Но если с утра она начинала перебирать платья, поглядывать в зеркало, это означало, что Мария Ивановна готовится к выходу «в свет»: в театр или в гости к кому-нибудь из друзей. Правда, чаще ее друзья приходили к нам, и тогда они допоздна засиживались за преферансом «по маленькой». Прочитав столько книг, тетя Мура знала очень много, могла говорить на любую тему. С годами она вдруг резко стала терять зрение, носила очки с толстенькими стеклами, но продолжала читать, все ближе и ближе поднося книгу к глазам.

Возможно, отчасти именно из-за такого примера страстного чтения сам Муслим пристрастился к книгам, читал сказки, затем фантастику, а, став взрослым – серьезную литературу и мировых классиков. Однако при чтении имел он одну особенность, в которой признался как-то на форуме сайта почитателей его таланта уже в 2005 году. Мэтр, работавший над одной из своих песен, вдруг восторженно написал:

– Доброе утро, друзья! Я такого УТРА, здесь за городом, в марте не помню. «Мороз и Солнце – День чудесный». Всегда в книгах пропускал «описания природы», думая; САМИ ВИДИМ, САМИ ЗНАЕМ»... А тут первый раз в жизни понял Авторы!!!⁶

...Вместе с ухудшением зрения, в доброй душе тети Муры возрастало сострадание к животным. В доме Магомаевых жил кот Рыжик, проказничавший наравне с подростками Львом и Муслимом, но одним этим подопечным дело не обошлось. Мура всегда любила кошек, а с приходом старости стала еще больше благоволить им, подкармливая полчища бездомных четверолапых, в достатке водившихся на прибегающих к дому бакинских улицах. Конечно, подобная жабость вызывала неодобрение соседей, но никто из них не разругался с Мусей в пух и прах.

Вспоминая свою добрейшую тетю, в семье которой Муслиму пришлось прожить какое-то время, он подмечал важные особенности того периода, известного нам как советский период в истории страны:

– Школа, как и город Баку, была интернациональна: мы тогда вообще понятия не имели, что такое национальные различия. И никого не смущало, что в Баку, столице Азербайджана, азербайджанский язык не был обязательным. Хочешь – учи, не хочешь – не учи. В нашей семье говорили по-русски. Не оттого ли я плоховато знаю родной язык? Бабушка Байдиголь была татарка, жена дяди Джамала Мария Ивановна – полька. Дядя неплохо говорил по-азербайджански, но спотыкался на литературном азербайджанском.

Еще долгие десятилетия Муслим Магомаев, ставший звездой советской эстрады, будет поддерживать теплые отношения с семьей дяди, воспринимаемой им как самой родной и близкой. О преклонных годах и последних днях жизни родственников он напишет трогательные строки.

– В детстве мы никогда не задумываемся об этом. Позже, повзрослев, тешим себя обманом, что это случится нескоро. Но когда приходит время, это застаёт нас врасплох...

⁶ <http://www.muslimmagomaeu.ru/node/1991>

Я и не заметил, как постарели они, мои старики. Мария Ивановна сильно сдала. Ела очень мало: насильно заставляла себя что-то проглотить. Прежде, для аппетита, хотя бы рюмочку водки могла выпить... А теперь слабела на глазах. Восполняла свою физическую немощь неизбывной духовной энергией: лишь душ а поддерживала ее. И так было всегда, в самые трудные времена. Она по-прежнему много читала. Продолжала говорить на хорошем, старом русском языке. И по-прежнему производила впечатление светской дамы. До самой старости сохраняла легкость стати. Сколько ей было лет – никто не мог сказать. Да и говорить об этом, даже дядюшке Джамалу, никогда не приходило в голову.

Муслим Магомаев в музыкальной школе при Бакинской консерватории

В последние годы жизни Джамал-эддин перенес два инфаркта. Тетя Мура, переживавшая за супруга, попала в больницу 4-го, Кремлевского управления, где у нее тоже произошел инфаркт. Еще через год Марии Ивановны не стало, и это окончательно подкосило здоровье Джамала.

– Дядя как-то сразу сломался, пал духом... Сидел за столом отрешенный, сутулился... Смотреть на него не было сил. Это часто бывает – муж после смерти жены, с которой прожита вся жизнь, теряет опору. Вот и дядя Джамал буквально потерялся. Он часами сидел, уставившись в одну точку. Иногда говорил что-то вслух – из глубины своих дум, одному ему известное. Он словно ушел в самого себя, потерял связь с внешним миром. Что-то пытались делать врачи и мы, близкие, старались отвлечь его от горя, вернуть его сюда. Но, похоже, душа тетушки крепко держала его...

Всю жизнь дядя Джамал казался мне домашним Иваном Грозным, суровым к себе и к другим. И вот теперь он бывал беспомощным. Я приводил его к себе домой, наливал чайку или рюмочку коньяка и говорил с ним неспешно. В такие трудные для него дни он нет-нет и заговаривал о том, почему он меня не мог усыновить: «Ты, Муслим, сын своего отца. А он был герой. Не забывай об этом...»

Но я-то всегда знал, что ближе, чем я, у него на свете никого не было и не будет. А любить он умел – нутром, сердцем, немногословно, скупо.

Такое у него было сердце – все там уместилось, и сила, и слабость. И строгость его была как бы прикрытием его доброты. Он словно стыдился быть сентиментальным. Из породы государственных мужей, он полагал, что нельзя быть добрым открыто. После

смерти Марии Ивановны строгая маска дяди Джамала исчезла и открылась его доброта... До жалости.

Или вот еще трогательное признание от первого лица:

– Меня воспитывали в строгости. Мой дядя Джамал, как дядя Онегина, был «самых честных правил». Он много работал, приходил домой уставший, со мной заговаривал только тогда, когда я делал что-нибудь не так. Честно признаться, поводов я давал немало. Бывало, что-нибудь натворю и со страхом жду вечера, спрятавшись в бабушкиной комнате. Сажу тихо и прислушиваюсь, когда бабушка или тетя Мура начнут жаловаться на меня. Я понимал, что дядина строгость была оправданной, однако мне хотелось и ласки, а главное, участия. Но дяде, вечно занятому человеку, по натуре сдержанному и неразговорчивому, было не до меня. Мне казалось, что он меня не любит. Только к концу его жизни я, став взрослым, понял, что все было как раз наоборот, что он относился ко мне как к сыну. Отсюда его строгость, нравоучения...

Джамал-эддин Магомаев

Глава 5. Счастливое время на правительственной даче, или Перед детством все равны

Нет причин сомневаться, когда Муслим Магомаев говорит о своем родственнике: честный, добрый, справедливый, добросовестный, порядочный в работе, в жизни, в отношениях... И это при том, что дядя Джамал достиг высокого уровня – он занимал должность заместителя председателя Совета Министров Азербайджана.

А в годы его партийного взлета ему полагалась правительственная дача. Вскоре это место стало любимым местом отдыха семьи и особенно мальчишек – Льва и Муслима.

– Сейчас в этом районе со странным для русского языка названием Загульба находится президентская дача. Хотя все мы, мальчишки и девчонки, дети высших руководителей республики, понимали, кто наши родители, но в своем поведении мы ничем не отличались от детей из обычных семей. У нас не было никаких претензий на исключительность, не было разговоров о том, что чей-то отец самый главный, самый важный. Нет, мы играли, бегали, купались в море, озорничали, как все дети во все времена.

Одним из любимых занятий «элитной» молодежи было лазание по абрикосовым и персиковым деревьям, – не за фруктами, а от полноты мальчишеской души, жажды приключений и бахвальства. По этим же причинам мальчишки участвовали и в других пакостях, казавшимися им вполне невинными.

– На правительственной даче было свое подсобное хозяйство, ее обитателей снабжали свежим молоком, свежими овощами. Был и сад, где росло много фруктовых деревьев, винограда. И вот мы, дети, почему-то считали чуть ли не своим долгом забираться в огороды, в сад. Однажды мы даже забрались на продовольственный склад, выставив в окне стекло. Забрались с единственной целью – утащить из холодильника сосиски, которыми собирались кормить кошек и собак. Те же сосиски можно было взять и дома, но как объяснить родным, почему ты тащишь что-то со стола – ведь не голодный же! Да и просто принести еду для собак из дома было неинтересно. А тут такое приключение! Такой риск!

Конечно, у партийной молодежи были самые великолепные возможности не только для игр и отдыха, но и для расширения кругозора. К примеру, мальчишки могли вдоволь смотреть фильмы, не доступные другим сверстникам. А кино, как известно, было одним из немногих доступных развлечений советских людей.

– Гам, на правительственной даче, мы каждый день могли смотреть лучшие фильмы – и трофейные, и старые, и новые, которые еще не вышли на экран. Именно там я увидел и «Любимые арии», и «Паяцев», и «Тарзана», а потом и фильмы с Лолитой Торрес... Так что мое детство проходило не только весело, но и содержательно. Там же я научился играть на бильярде...

Вместе с тем родные Муслима, имевшие больше финансов и возможностей, чем большинство окружающих, старались воспитать детей не жадными, не кичливыми, в меру бережливыми. Во-первых, потому что деньги тогда действительно были не главное, а во-вторых, потому что взрослые были не приучены потакать капризам детей, и старались вырастить их в соответствии с идеологическими идеалами – достойными строителями ком-

мунизма. Хотя, конечно, хапуг и мерзавцев хватало везде, в разных социальных группах, на разных должностях, ведь идеального общества в принципе не бывает. Однако дядя Джамамал – скорее правило, чем исключение (да-да, никакой идеализации времени и людей того времени автор умышленно не создает: добрых и честных людей тогда действительно было больше).

С подружкой Алёнушкой

Свидетельствует сам Муслим Магомаев, давая яркую характеристику не только своему детству, но времени, уникальной эпохе, которая уже не возродится:

– Во времена нашего детства деньги не возводились в культ. Это сейчас у нас и по телевидению, и по радио, и в прессе постоянные разговоры о деньгах. И ты с ужасом понимаешь, что это становится нормой жизни. В нашем тогдашнем, пусть и далеком от совершенства, обществе говорить с утра до вечера о презренном металле считалось дурным тоном. Точно так же мы считали неприличным прилюдно ткнуть, скажем, в плохо одетого мальчишку и брезгливо фыркнуть: «Фу, оборванец»... И дело было не в том, что все мы были тогда беднее, а значит, как бы равны, и тот, кто бедным не был, старался скрыть этот свой «недостаток», – нет, просто все мы были тогда приучены к другому. В том, что говорилось и делалось нами, было больше души.

Я рос не в бедной семье, но меня воспитывали так, что я понимал разницу между «хочу» и «необходимо». Мне хотелось иметь магнитофон, но он появился у меня только в шестнадцать лет, когда я стал более или менее прилично петь. Магнитофон для певца не забава, а рабочий аппарат, чтобы слышать себя со стороны. Хотя магнитофона у меня еще не было, но свой голос я мог записывать у моего друга, скрипача Юры Стембольского. У него был какой-то странный магнитофон, обе катушки которого были расположены одна над другой и вертелись в разные стороны. Мы сделали тогда много записей. Помню, как я пел «Сомнение» Глинки, а Юра аккомпанировал мне на скрипке. Я бы много отдал, чтобы послушать те наши записи, послушать, как я пел в четырнадцать-пятнадцать лет, но,

увы... Давно нет таких магнитофонов, да и за прошедшие десятилетия те пленки давно иссохлись, рассыпаются...

Мне никогда не давали лишних денег, о карманных деньгах я читал только в книжках. Если у меня оставалось что-то от школьного завтрака, я спрашивал разрешения истратить эти копейки на мороженое. Одевали меня так, чтобы было не модно, а чисто, прилично и скромно. Если был костюм, то только один – выходной. Про школьную форму нечего говорить – она была у всех. Были у всех и красные галстуки, и единственное различие, да и то не слишком приметное, заключалось в том, что у кого-то красный галстук был шелковый, а у кого-то штапельный. Но у всех мятый и в чернилах.

Не виделись различия и в дворовой компании мальчишек: перед детством все были равны.

– Детство – самая нелукавая пора жизни: всё там в открытую и честно. Мы и ссорились честно. Больше всех я ссорился, а значит, и мирился чаще с Поладом Бюль-Бюль оглы. Верховодили мы вместе – делили дворовую власть. Как представители «верховой власти» двора, вроде Тома Сойера и Гека Финна, то и дело соперничали: кто ловчее «тарзанит», перепрыгивая с дерева на дерево, кто подушераздирающе крикнет Тарзаном. Последнее Полад делал лучше всех.

Эти игры – своеобразная дань поразившему их воображение фильму «Тарзан» с Джонни Вайсмюллером в главной роли, когда мальчишки с упоением подражали непревзойденному экранному герою, исполнявшему потрясающие трюки на экране.

Не меньшей любовью в те годы пользовался у мальчишек и образ мушкетера, также пришедший из фильмов. И мушкетеры, и человек-обезьяна стали примерами для дворовых игр, возникали на детских рисунках Муслима.

Между тем, не мешало бы сказать пару слов об упомянутом Паладе, с которым наш герой делил радости беззаботной жизни под бакинским солнцем. Возможно, старшее поколение азербайджанцев помнит голос удивительного соловья – Бюль-Бюля (с азербайджанского переводится как «соловей»). Для него специально писались песни и арии – певец обладал уникальными вокальными возможностями, считалось, что его верхние ноты были почти беспредельными. Его сын, друг детства Муслима Магомаева, на уровне генетики перенял необыкновенное умение петь так, как никто другой.

– У нас с Поладом различны не только характеры, различными стали и наши судьбы. Мне прочили быть композитором, дирижером, пианистом, как мой дед, а я стал певцом. Полад хотел быть певцом, как его отец, а стал композитором. Я был свидетелем первых шагов Полада на этом его поприще.

Кадр из фильма «Тарзан» с Джонни Вайсмюллером

И не просто свидетелем, а причастны к успехам друга детства – Муслим привез Полада в Москву, познакомил с сотрудниками радио и телевидения.

– С тех пор все и узнали Полада Бюль-Бюль оглы. Потом по его просьбе я записал и спел несколько его песен на радио, в «Голубых огоньках» на телевидении. Но после меня он обязательно считал нужным «перепеть» песню лично. И я решил на этом остановиться. Со временем Полад стал министром культуры Азербайджана.

Глава 6. Музыкальная школа. «Критерий поступления – природный талант»

В 1949 году родственники приводят Муслима в музыкальную школу-десятилетку при Бакинской консерватории. Сюда, по свидетельствам многих, принимали не по благу, а по степени одаренности, и даже высокое положение родителей не могло повлиять на отказ педагогов. *«Критерий при поступлении был один – природный талант»*, – подтверждал и Магомаев. Не удивительно, что большинство выпускников этой школы стали видными музыкантами, исполнителями, композиторами и дирижерами.

И если в обычной школе мальчишке было скучно (*«Учился я без усердия. Сидеть за партой для меня было все равно что сидеть на шиле»*.), то с музыкальной школой все обстояло по другому.

– С музыкой было совсем иначе: мне это нравилось. Нравилось, когда говорили о моих первых сочинительских опытах, когда хвалили мою музыкальность. А вот математику, все эти формулы, скобки, да и вообще что-нибудь считать, терпеть не мог. Дело дошло до того, что пришлось для меня приглашать репетиторов по общеобразовательным предметам. Помню одного из них, математика. Хороший был парень, очкарик-умница. Он мне про алгебру, а у меня в голове свое – музыка или гулянье. Ему надоела эта игра в одни ворота:

– Математика из тебя никогда не выйдет. Не потому, что ты тупой, просто ты никогда этим не будешь заниматься. Точные науки не хотят влетать в твою голову. Хотя если ты захочешь, то сможешь. Но ты совсем не хочешь... Поэтому давай о музыке.

И мы часами разговаривали об этом. Тетя Мура, видя, как мы долго сидим вместе, нахваливала меня, говорила дяде: «Вот усердие!..»

Как дети из любой другой школы, ученики из класса Муслима провели свое разделение учителей на категории любимых и не любимых, строгих и не очень. Видимо, в жизни Муслиму чаще попались хорошие учителя, коль он не забыл ни их имен, ни их отношения к своему предмету и ученикам, и с особой беспристрастной признательностью описал их в своих мемуарах. Были моменты в жизни ставшего мега-популярным Магомаева, когда он приглашал стареньких учителей либо на концерт, либо на ужин в ресторане после концерта. Ему доставляло удовольствие не только порадовать педагогов своими успехами, но и выказать тем самым свое уважение к их знаниям, педагогическому таланту и труду.

Вышний Волочек. Класс Валентины Михайловны Шульгиной

И все же большим удовольствием для Муслима Магометовича было вспоминать тех, кто преподавал музыкальную грамоту. Одним из тех, кому предназначались слова благодарности, был Арон Израилевич.

– Он вел у нас музыкальную грамоту. До конца жизни не забуду как он сразу научил нас, еще ничего не знающих в музграмоте, кварто-квинтовому кругу. Он сказал нам: «Я не буду говорить вам: «Здравствуйте, ребята! Садитесь». А вы не должны отвечать мне: «Здравствуйте, Арон Израилевич!» Я буду говорить вам: «Си ми ля ре соль до фа», а вы будете отвечать мне: «Фа до соль ре ля ми си «». И мы уже навсегда запомнили, какие диезы, какие бемоли должны быть на нотном стане.

Любовь к музыке была столь страстной, что свою первую мелодию мальчик сочинил в возрасте пяти лет, когда близкие еще ласково называли его Муслимчик. Мальчик, в котором от рождения дремали ноты, запомнил придуманную музыку на всю жизнь и, став взрослым, вместе с поэтом Анатолием Гороховым сделал из нее песню «Соловьиный час». Под музыку детства взрослый исполнитель пел в полных залах:

Смотрят звезды в тысячу глаз —
Я к реке выхожу опять.
Хорошо в соловьиный час Счастье повстречать.
Хорошо в соловьиный час Счастье повстречать.

Когда мелодия стала песней «Соловьиный час», она вышла на пластинках и появилась в домашней фонотеке многих граждан СССР. Сама песня многим казалась коротенькой —

всего три куплета. Похоже, что такое же мнение разделял и сам артист. Уже в 2005 году Магомаев вновь вернулся к воспоминаниям давних лет, и в частности, к песне, рожденной из детской мелодии.

«...Слушая запись, которая на пластинке, всегда было жаль, что прекрасная песня такая короткая. И вот теперь всё встало на свои места, словно пришло время неторопливого раздумья. Песня обрела прекрасное инструментальное вступление – импровизацию. В маленькой симфонии, сплетаясь с романтикой юности, зазвучала немного усталая. «Соловьиный час» из 2005 года – задумчивость взрослого композитора, остающегося юным в душе, умеющего видеть мир глазами детства»⁷. Так делилась впечатлениями от новой оранжировки старой песни давняя поклонница творчества азербайджанского исполнителя.

⁷ <http://www.muslimmagomaev.ru/node/1991>

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.